

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

В. В. Желтов

Местное развитие
как новое направление социально-
политических исследований
и практики

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Jeltov_RAPN.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

**Пятый Всероссийский конгресс политологов
Москва, 20 – 22 ноября 2009 г.**

**МЕСТНОЕ РАЗВИТИЕ КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРАКТИКИ**

Виктор Васильевич ЖЕЛТОВ

доктор философских наук, профессор,
кафедра политических наук,
факультет политических наук и социологии,
Кемеровский государственный университет,
Кемерово

Доклад представлен на Пятый Всероссийский конгресс политологов.

Сессия:

Исследовательский комитет РАПН по публичной политике и управлению.

Специальное заседание:

T10-4 «Инфраструктура» публичной политики».

22 ноября 2009 г.

Опыт социально-экономических преобразований в развитых странах Запада убедительно показывает, что эффективным средством решения многих региональных проблем стала теория и практика местного развития, которое строится на мобилизации и координации **местных ресурсов**, а также на поиске **новых путей решения местных проблем** в условиях меняющегося мира. Нужно сказать, что указанное развитие не замыкается в рамках определенной территории. Оно является *открытым вовне*. Не случайно, применительно к местному развитию, родилась формула: «Мыслить глобально, действовать локально».

За этой формулой, обнаруживается влияние на характер развития территориальных образований не только процессов глобализации, но и изменение сложившегося исторически подхода к развитию экономики страны. Как известно, со времен А. Смита и даже до него, национальное измерение первенствовало при любом анализе, а политика логически выстраивалась на национальном уровне. Сам факт появления того, что получило наименование «местное развитие», свидетельствует о том, что во второй половине прошлого столетия выявились и *иные уровни* анализа и подхода к развитию страны. Суть данного подхода может быть представлена следующим образом: *местное развитие строится на основе приведение в действие ресурсов определенной территории*. Это означает, что территория становится не только объектом деятельности, но и реляционной совокупностью социальных и экономических акторов – предприятий, местных администраций, университетов и исследовательских центров, банков, технологических и экономических структур, ассоциаций, т.е. всех, кто участвует в преобразовании определенной территории.

Территория любой страны характеризуется, как правило, разнообразием ее составных частей, нередко совпадающих с административным делением в рамках данного государства. При этом организационные и институциональные характеристики административных образований, активно влияющие на развитие данной территории, определяются историей, культурой, традициями. Это бесспорно. Но не меньшее значение имеет и то, какой выбор в решении проблем местного развития делают предприятия, местные власти, более широко – местное сообщество.

Изменения, которые происходят в последние годы в нашей стране, на наш взгляд, ставят достаточно остро именно вопросы местного развития, успешное решение которых позволило бы не только снимать препятствия на пути реализации национальной политики, но и привлекать для решения местных проблем представителей деловых кругов, общественности, да и всего населения. Именно на такой подход в деятельности властей регионов всех уровней нацеливает нынешнее политическое руководство страны. К тому

же нужно учесть, что в каждом российском регионе накопилось немало проблем, которые по разным причинам, и не только экономическим, просто не могут быть решены федеральными властями и структурами. Только у нас в Кузбассе, например, как неотложные задачи становятся многочисленными вопросы экологического характера, в том числе и чистоты воды главной водной артерии области – Томи. Очень острой является задача сохранения малых рек, чистоты воздуха, содержания городов и т.д. Эти и многие другие вопросы решать нужно, прежде всего, опираясь на собственные силы региона. И к чести руководства нашей Кемеровской области в данном направлении проводится немалая работа.

Следует учитывать и то, что в наши дни перед местными сообществами во весь рост встает задача проведения собственной политики, на основе которой строилась бы специализация и диверсификация экономического, а значит, и социального развития регионов. Такая политика не может быть произвольным «творением», например, только администрации. Она должна быть, безусловно, публичной, отражать коллективные запросы и потребности местного сообщества.

Не менее важное значение имеет и вторая сторона этой проблемы. Местное развитие невозможно осуществлять без активного участия в нем населения, акторов в лице местных властей, предприятий, научных и учебных заведений и т.п. Речь, значит, идет о *социально-экономическом потенциале*, который необходимо привести в движение, без чего не может быть необходимой динамики территориального развития.

Существенным моментом для понимания проблематики местного развития является сама концепция территории, которая в социологической науке рассматривается как система определенной взаимозависимости, на основе и в рамках которой, осуществляются стратегии индивидуальных и коллективных акторов, определяющих реализацию местного публичного действия¹. Излишне, видимо, говорить о том, что указанное публичное действие включает в себя проведение переговоров, заключение соглашений и даже контрактов на базе определенных проектов местного развития.

Социология развития

Важным средством постижения всего того, что связано с преобразованиями на определенных территориях, является социология развития. Эта ветвь социологии, как известно, возникла еще в 1960-е гг., когда во многих странах появилась острая необходимость разработки подходов политической трансформации развивающихся стран, вставших на путь утверждения национальной независимости. В конце 1980-х гг. об этом прямо напишут французские социологи: «Полностью опираясь на благоприятную

¹ Cf. Teisserenc P. Les politiques de développement local. – P., 2002. – P. 86.

конъюнктуру, связанную, с одной стороны, с борьбой за независимость, а с другой – с массовым распространением в обществах западных стран гуманитарных наук, в 1960-е гг. получили широкое распространение работы в области социологии развития»².

Данное направление социологии обрело в те годы легитимность из факта появления и активной деятельности, так называемых «ангажированных» социологов, которые осуществляли свою деятельность в контакте с новыми политическими управляющими. В этой ситуации, казалось бы, далеко не новая профессия социолога, «открывала новое поле исследования, распространяла новую идеологию на основе новых концепций и новых теорий»³.

Социология развития стремилась осмыслить социальные структуры и движения, которые порождались в послевоенные годы капитализмом на пространствах мировой периферии. Представители нового направления социологии действовали не сами по себе. Задачи перед ними тогда ставили, помимо национальных властей развитых стран, как международные организации, так и местные власти освободившихся от колониальной зависимости государств.

На основе разработки разнообразных проектов и программ социологами разных стран была проделана немалая работа по осмыслению специфики местных (с позиции развитых стран – периферийных) обществ с учетом большого разнообразия сложившихся в них социально-политических ситуаций и контекстов. Это, к слову сказать, создало благоприятные предпосылки для разработки методов анализа проектов развития и в странах зоны развитого капитализма.

Социология развития, возникшая как наука, исследовавшая реалии мировой периферии, в 1970-е гг. получает «второе дыхание». Это было связано с тем, что под влиянием кризиса, в развитых странах дали о себе знать процессы, схожие с теми, что были к тому времени уже осмыслены применительно к странам Третьего мира. Речь идет, в частности, о разрушении социальных структур, расширении неформальной деятельности и т.д. Об этом красноречиво писали в начале 1980-х гг. известные французские социологи Р. Будон и Ф. Буррико: «Эти модели, построенные социологами и экономистами, занимавшимися вопросами развития, представляют внушительный свод законов, значение которого увеличивается со временем... и которые значительно увеличили нашу способность понимать процессы изменения и развития... Однако, чаще всего, упомянутые механизмы должны восприниматься как модели, описывающие несколько упрощенно, комплексные процессы реальной жизни. Кроме того, эти модели

² Goussault Y., Guichaoua A. Sociologie du développement // Sociologie contemporaine (sous dir. de Durant J.-P.). – P., 1989. – P. 396.

должны рассматриваться в рамках их ограниченной валидности и ограниченного значения. Валидность является ограниченной в силу упрощения, которое присуще этим моделям. А ограниченное значение – в силу того, что они могут использоваться только как определенное приближение в узких и точно определенных пространственных и временных рамках по отношению к реальности»⁴.

Социология развития оказалась в довольно парадоксальной ситуации. Она являла собой «момент анализа пространства, контуры которого оказались нелегко определяемыми»⁵. К тому же объект исследования не обладал четко очерченными характеристиками. Сказалось и влияние уже набиравших в те годы силу тенденций глобализации, в условиях которой региональная проблематика ставила под вопрос макроэкономические теории развития. А это побуждало ученых и практиков концентрировать свое внимание на разработке утонченных социоэкономических подходов для того, чтобы адекватно отвечать на запросы изменчивого контекста развития. Эти запросы напрямую были связаны с различными аспектами жизни населения на данной территории⁶.

В последующем все большее значение в социологии развития начинают приобретать аспекты, которые акцентируют свое внимание на вопросах социального воображения и различные формы того, что в социологии получило наименование *символического*. Это выдвигало на передний план вопросы общественного сознания и идеологий.

Сказанное позволяет нам сделать вывод о том, что структуры, движения и представления определяют и те этапы, которые прошла социология развития, освобождаясь постепенно от изначальных намерений, в поисках своего объекта.

Развитие территории сторонниками рассматриваемой ветви социологии понимается как «процесс изменения применительно к определенному человеческому сообществу и касающийся отношений между людьми в процессе производства, при помощи которого они отвечают на свои потребности любой природы, стремясь оптимальным образом осуществить свои проекты производства и развивать социальные отношения, которые с ним связаны»⁷.

В таком понимании социология развития видела свою задачу в том, чтобы анализировать динамику, связанную с изменением на данной территории. Она

³ Ibid. – P. 387.

⁴ Boudon R., Bourricaud F. Dictionnaire critique de la sociologie. – P., 1982. – P. 169-171.

⁵ Goussault Y., Guichaoua A. Op. cit. – P. 400.

⁶ Cf. Teisserenc P. Op. cit. – P. 88.

⁷ Colin R. Interaction dynamique des acteurs et des facteurs dans une stratégie du développement endogène – Théorie et pratique // Développement endogène: aspects qualitatifs et facteurs stratégiques. – P., 1988. – P. 178.

(социология развития) основывалась на эндогенном движении, управляемого акторами данного общества, которые его (движение) ориентируют на достижение определенных целей. Понятно, что управление развитием предполагает учет и внешних факторов, накладывающих отпечаток на содержание и сам процесс реализации проектов. При этом первостепенное значение приобретает управление и регулирование всей внутренней системы взаимодействий на данной территории.

Возникает вопрос: каким образом данный подход может быть использован для выработки политики развития для определенной территории? В рамках этого подхода отчетливо выявляются три направления политики:

- определение целей политики развития территории на основе учета влияния различных факторов;
- организация развития территории на основе и при активном использовании институционализации взаимодействий акторов;
- изменение, регулирование и коммуникация на основе учета действующих ценностей.

В рамках первого направления речь идет о целях политики развития, которая является многомерной, испытывая воздействие известного множества факторов. Понятно, что определение этих целей должно опираться на идентификацию факторов развития и оценку их соответствия контексту территориального развития. То, что мы называем соответствием, в значительной мере зависит от того уровня, на котором выработываются стратегии глобального развития. При этом условием успеха местного развития является согласование стратегии, а значит, и политики на различных уровнях принимаемых решений – национальном, региональном и локальном.

Второе направление политики, связанное с институционализацией взаимодействия акторов местного развития, предполагает создание условий для коллективного действия. Опыт ряда стран убеждает в том, что невозможно добиться успеха в реализации политики развития данной территории, если она (политика) не опирается на усилия самых разных акторов, действующих в рамках активного взаимодействия между собой и органами власти различных уровней. На основе такого взаимодействия возникает неформальная (ее иногда называют «подпольная») экономика, более точное название которой дал Р. Колен – «неофициальная экономика»⁸.

Данное положение является очень важным для понимания как самого феномена местного развития, так и той политики, которая с ним связана. Неофициальная, или «скрытая» экономика некоторыми исследователями рассматривается как выражение

⁸ Colin R. Op. cit. – P. 244.

«невидимого общества», в котором «определенная часть социальной реальности плохо поддается выявлению, описанию, анализу, интерпретации, и это в то время, как складывается впечатление, что эта реальность не может рассматриваться как реальность, не заслуживающая внимания»⁹. Речь, конечно же, в данном случае идет не о теневой деятельности, связанной с преступностью, а о деятельности, которая может быть или должна быть организована в интересах реализации задач местного развития.

Не рассматривая подробное понятие «невидимое общество», отметим, что в контексте нашего размышления указанное понятие указывает на тот потенциал, которым обладает местное развитие и который политика развития той или иной территории призвана приводить в действие. Добавим: *приведение в действие потенциала «невидимого общества» – это и есть, если не основной, то, во всяком случае, весьма существенный потенциал политики местного развития, который иными средствами привести в действие просто невозможно.*

Третье направление политики связано с учетом сложившихся в данном обществе представлений и ценностей. Выработка целей местного развития предполагает взаимопонимание акторов этого развития. Иначе говоря, они должны *говорить на одном языке*, что является не только предпосылкой для взаимопонимания, но и благоприятным и обязательно необходимым условием для сотрудничества акторов местного развития.

Данное направление политики является чрезвычайно важным для местного развития. Идет ли речь о диагностике территорий или о выработке конкретного проекта территориального развития, первостепенное значение приобретает учет исторических и социокультурных условий. А это значит, что культура выступает как самостоятельный фактор преобразования территорий поверх объективных данных географического и экономического порядков. Она выступает как выражение дифференциации обществ и тем самым оказывает прямое влияние на экономическое и социальное развитие. А потому инициативы культурного плана оказывают существенное влияние на динамику изменений, на которой основывается политика местного развития.

Следует отметить и еще одно положение. Социология развития, опираясь, в том числе и на учет культурного фактора, пришла к выводу о важности *социального вмешательства*, его места в трансформации общества. Изменилась в итоге и оценка роли социальных субъектов. Вместо зависимых в прежние годы от экономических и политических внешних факторов субъектов в социологии развития появились активные акторы развития, взаимодействие между которыми в реализации определенных проектов

⁹ Barel Y. La marginalité sociale. – P., 1982. – P. 7.

позволяет решать задачи, которые в рамках прежних подходов решать было просто невозможно.

Социология вмешательства

Значительную роль в осмыслении феномена местного развития играет и *социология вмешательства*, которая с момента своего возникновения заложила теоретические и практически-политические основы социального вмешательства в ответ на экономические и социальные изменения, вызванные к жизни публичной политикой. Данное направление науки способствовало обогащению и обновлению социологии действия.

Процесс развития теоретических исследований данной ветви социологии может быть разделен на три этапа. На первом этапе, который охватывает 1960-е гг., под влиянием исследований специалистов социологии развития сторонники нового направления социологической науки акцентировали свое внимание на изучении социальных проблем и соответствующих изменений, которые вызывались к жизни последствиями экономического роста. Концепции сторонников рассматриваемого направления социологии были отмечены детерминизмом производства и обмена. Господствующей в те годы была структуралистская парадигма, которая акцентировала внимание на социальную морфологию и учитывала только структурную каузальность.

В середине 1970-х гг. осмысление проблем вмешательства было связано с изучением социальных движений. И это определило содержание второго этапа развития социологии вмешательства. Благодаря усилиям видного французского социолога А. Турена, в ответ на структуралистский подход, присущий прежнему этапу социологии вмешательства, произошло «возвращение актора» как агента развития¹⁰.

Именно социологическое течение А. Турена и его коллег по Центру изучения социальных движений и Центру анализа и социологического вмешательства ввели понятия акционизма и социологического вмешательства.

Концептуальная диспозиция ангажированного социолога

Центральная идея А. Турена может быть представлена тезисом: общество самопроизводится. Идея самовоспроизводства общества при этом оказывается центральной категорией социологии развития в силу того, что превращает вопрос о социальном изменении, как справедливо отмечает один из видных представителей данной ветви социологии Жиль Эррерос¹¹, в центральный момент этой науки и социальной практики.

¹⁰ См.: Турен А. Возвращение человека действующего. Очерки социологии. – М., 1998.

¹¹ Cf. Herreros G. Pour une sociologie d'intervention. – Ramonville-Saint-Agne, 2002.

А. Турен исходит из того, что современное демократическое общество является конфликтным. Соперничество и, подчас, неизбежные столкновения различных социальных групп происходят на основе стремления оказывать влияние на сложившееся равновесие социальных систем в таких вопросах как распределение богатства, представления о мире, культурные модели и т.п. Такого рода столкновения Турен называет конфликтом по поводу господства в «историчности».

Что имеется в виду? Каждой эпохе соответствует определенный тип системы исторического действия¹², имеющей специфические институционные формы (государство, школа, семья и т.д.) и организационные формы (партии предприятия и т.д.). В центре концепции А. Турена оказываются «социальные движения». Социальное движение, по Турену, – это ни категория, ни актор, а столкновение между социальными силами в борьбе за господство в историчности.

Если еще в первой половине XX в. в системе исторического действия капиталистического общества господствующий вектор социального движения определялся оппозиционностью рабочего класса и буржуазии; в сердцевине «постиндустриального» общества (по Турену, – «программируемое» общество) возникают новые социальные движения (регионалисты, экологи, феминисты и т.д.), которые приходят на смену прежним социальным акторам.

Что понимается под термином «социальное движение»? Это такое движение, которое в ходе социального соперничества подтверждает свою высокую степень историчности. Оно предполагает специфическую идентичность поведения участников такого рода движений и осознанную «оппозиционность» по отношению к «соперникам». Наконец, социальным является движение только в меру того, что оно выражает некую концепцию социальной «тотальности», представленной в глобальном проекте.

Данное положение, в понимании Турена, имеет глубокий смысл потому, что именно в такой ситуации в поле социального действия возникает (может возникать) фигура социолога. Его роль, как ее определяет Турен, заключается в том, чтобы при помощи анализа и в самом анализе облегчить возникновение новых социальных движений. И, исходя из этого, можно говорить о появлении «ангажированной социологии».

Ангажированной деятельностью социолога становится потому, что, исходя из признания историчности социального действия движений, он не только видит в них объект своего исследования, но и становится невольным их участником. И потому уже в

¹² См.: Желтов В.В., Желтов М.В. История западной социологии: этапы, идеи, школы. – Кемерово, 2004. – С. 594-601.

самом начале социологического вмешательства возникает и то, что мы можем определить как социологическое обязательство.

Социологическое вмешательство является, значит, «методом, который был понят как изучение социальных движений и поведения, с ними связанного»¹³. Оно представляет собой практику, адаптированную к специфической концепции общества¹⁴; позволяющую «войти в отношение с самим социальным движением»¹⁵ и проводить действие с тем, чтобы «обнаружить основные социальные конфликты в новом обществе»¹⁶.

Обращает на себя внимание и еще одна сторона, присущая подходу А. Турена. Он, в частности, утверждает: «...мы не будем отрицать, что наш собственный интерес в акционистском анализе связан с большей чувствительностью к движениям социального преобразования, чем с механизмами интеграции общества»¹⁷. И эта «чувствительностью к движениям социального преобразования» предполагает развитие у социолога «чувства солидарности с коллективными действиями»¹⁸.

Нельзя не отметить и еще одного положения А. Турена, связанного с социологией вмешательства: «Социология по необходимости выступает против власти по одному простому основанию, что власть, по необходимости, выступает против нее»¹⁹. Функция просветителей (с которыми Турен отождествляет социологов) включена в их компетенцию; они имеют предназначение быть оппозиционными по отношению ко всем политическим и административным властям; они «преодолевают границы в движении идей и персон»²⁰.

Следует обратить внимание и на следующий момент: социолог является неотъемлемой частью общества, которое он изучает и в рамках которого он действует. И он не может претендовать на то, чтобы «быть свободным от всех социальных связей». Он не может, значит, выдвигать на передний план только свою независимую интеллектуальную деятельность, т.е. деятельность определенную «лишь профессиональными нормами» научного сообщества.

«Социологическое вмешательство, – по убеждению А. Турена, – оказывается... наиболее близким к активистскому, политическому или религиозному действию»²¹. Социолог, по определению, должен «стремиться помочь людям делать свою историю в

¹³ Touraine A. *Mouvements sociaux aujourd'hui, acteurs et analystes.* – P., 1982. – P. 14.

¹⁴ Touraine A. *La Voix et le Regard.* – P., 1978. – P. 41.

¹⁵ Ibid. – P. 184.

¹⁶ Ibid. – P. 10.

¹⁷ Touraine A. *Sociologie d'action.* – P., 1965. – P. 150.

¹⁸ Touraine A. *La Voix et le Regard.* – P. 251.

¹⁹ Touraine A. *La production de la société.* – P., 1973. – P. 79.

²⁰ Ibid. – P. 201.

²¹ Touraine A. *La Voix et le Regard.* – P. 272.

тот момент, когда на руинах разрушенных или преданных иллюзий (эта) вера в способность обществ самовоспроизводиться отступает. Не является противоречивым утверждение, что социологическое вмешательство имеет историческую ценность и признание, что оно является также знаком желания заставить возродиться сознание возможного действия, а также содействия защите и укреплению шансов демократии»²².

После утверждения об ангажированной позиции исследователя, Турен, похоже, уравнивает свою точку зрения: «Социолог не является ни официальным представителем, ни идеологом»; в момент вмешательства «он должен отказаться как от роли эксперта, так и от роли активиста. Существо этого подхода заключается во встрече двух логик – логики действия и логики знания. Не создается никакого знания с того момента, как мы становимся ангажированными, или принимаем логику актора»²³. Социолог «не может быть идентифицирован ни с актором, ни еще менее (выделено нами. – В.Ж., М.Ж.) с его соперником»²⁴; он является «посредником между группой активистов и социальным движением, которое несет в себе действие последнего»²⁵. Это точка равноудаления «ангажированного социолога» и подлинно научной активности социолога, которой, кажется, А. Турен достиг.

Стратегический анализ

Появление данного анализа знаменовало собой новый этап социологии вмешательства, что неразрывно было связано и с социологией организаций. Организации, как известно, являются социальными конструкциями, системами действия, которые нельзя никогда понять *a priori*. Акторы, обладающие подлинным «стратегическим инстинктом»²⁶, понимаемым не как осознанный оптимальный расчет, а скорее как поведение с ограниченной рациональностью, играют по правилам, которые им навязываются, и в то же время никогда этим правилам не подчиняются полностью. Таким образом, функционирование организации никогда не может быть полностью формализованным. Каждая ситуация, связанная с деятельностью организации, является множественной, и никакая типология, никакая модель *a priori* не позволяет понять, что скрывает специфическая игра в пространстве организованного действия.

Весьма эффективным средством осмысления деятельности организаций в последние десятилетия стал так называемый стратегический анализ. Организации, с точки зрения такого анализа, рассматриваются как «случайные человеческие построения»²⁷, как

²² Touraine A. Le retour de l'acteur. – P., 1984. – P. 216-217.

²³ Touraine A. Mouvements sociaux aujourd'hui, acteurs et analystes. – P. 35.

²⁴ Touraine A. La Voix et le Regard. – P. 186.

²⁵ Ibid. – P. 42.

²⁶ Friedberg E. Le Pouvoir et le Règle. – P., 1993. – P. 210.

²⁷ Crozier M., Friedberg E. L'acteur et le système. Les contraintes de l'action collective. – P., 1977. – P. 33.

совокупности, которые не являются результатом «интенционного характера функционирования»²⁸ и которые включают в себя элементы «организованной анархии»²⁹. В рамках такого понимания, «человек всегда сохраняет минимум свободы...он не может помешать себе ее использовать для того, чтобы побороть систему»³⁰.

Сторонники стратегического анализа убеждены: какими бы ни были внешние воздействия, или, как их иногда называют, принуждения, индивид всегда сохраняет возможность соглашаться или отказываться от следования за ними, т.е. у него есть выбор. «Не бывает социальных систем полностью регулируемых или контролируемых. Индивидуальные или коллективные акторы, которые составляют организации, не могут быть никогда сведены к абстрактным или оторванным от действительности функциям»³¹.

Таким образом, функционирование организованной совокупности в рамках стратегического анализа осмысливается на основе модели некой игры, в центре которой существенная роль принадлежит концепции власти, определяемой и понимаемой как асимметричное отношение, в котором каждый член данной организации может принимать участие в его ежедневном выражении. Власть, а скорее властное отношение, повсеместно присутствует в социальных отношениях³². И эта власть не является ни плохой, ни хорошей. Она необходима, и она воздействует на каждое отношение (дружеское, любовное, профессиональное и т.д.).

Согласно сторонникам рассматриваемого подхода, власть является «основанием организованного действия»³³, в то время как игра является инструментом действия. И потому организация как система мыслится как форма «нового объекта»³⁴, как совокупность конкретных действий, регулирование которых обеспечивает непрерывность игры, в то время как она сама (совокупность) является объектом игры.

«Система конкретного действия» не является «философской конструкцией»³⁵. Она не является результатом формальных правил. Она представляет собой «структурированную человеческую совокупность, которая координирует действия ее участников механизмами относительно стабильной игры и которая теперь ее структурирует». Стабильность игр и отношений в них обеспечивается при помощи механизмов регулирования, которые устанавливают другие игры³⁶.

²⁸ Friedberg E. Op. cit. – P. 57.

²⁹ Ibid. – P. 76.

³⁰ Crozier M., Friedberg E. Op. cit. – P. 42.

³¹ Ibid. – P. 25.

³² См. подробнее: Желтов В.В. Теория власти. – М., 2008.

³³ Crozier M., Friedberg E. Op. cit. – P. 64.

³⁴ Ibid. – P. 241.

³⁵ Ibid. – P. 242.

³⁶ Ibid. – P. 286.

Данная постановка вопроса чрезвычайно важна для социологии вмешательства: для того, чтобы внести изменения в систему конкретного действия, надо получить доступ к организационным ресурсам (экспертиза, знание правил функционирования, владение информацией и влияние на окружение). Такой доступ необходим для понимания того, как система производится коллективными играми. И социология вмешательства призвана нацеливать свою деятельность на производство этого знания.

Характеристика «стратегического» вмешательства

Вмешательство на основе стратегического анализа имеет две грани: «С одной стороны, оно нацелено на получение конкретного знания глубинной человеческой реальности в контексте анализируемого действия, а с другой – на содействие тому, чтобы заинтересованные лица определили себя в отношении этого знания, сделали выводы из этого, и тем самым интегрировали эти знания в практику, модифицируя ее»³⁷. Для того, чтобы это сделать, используется, так называемая «клиническая» методология, которая изначально строится на базе встреч с акторами изучаемой совокупности. Как справедливо отмечает Ж. Эррерос, для социолога стратегического анализа принципиально важное значение приобретает глубокое *изучение социальных взаимодействий вместе с акторами*, что в принципе исключает общие и глобализированные подходы, которые всегда являются спекулятивными. Есть только знание особенного, это и является «клинической» маркой стратегического анализа³⁸.

Указанный подход использует индивидуальные встречи, которые позволяют воспроизводить совокупность отношений, соединяющих акторов в процессе их деятельности. В ходе таких встреч исследователь исповедует не только свой доброжелательный нейтралитет, но также считает, что «по определению *интервьюируемые всегда правы* (Выделено нами. – В.Ж.), потому что они живут в своей ситуации»³⁹. В таком подходе, так называемая субъективность, должна рассматриваться как выражение стратегии изучаемого актора. Это положение является фундаментальным, т.к. исследователь не может строить свою деятельность на «логике подозрения» по отношению к свидетельствам, которые он получает.

Социологический анализ, таким образом, осуществляется в соответствии с двумя различными динамиками. Первая из них отмечена тем, что «временно упраздняется дистанция между аналитиком и полем его анализа»⁴⁰, что требует от участников данной ситуации «устанавливать и развивать отношения интерсубъективности..., что он

³⁷ Friedberg E. Op. cit. – P. 22.

³⁸ Herreros G. Op. cit. – P.40-41.

³⁹ Friedberg E. Op. cit. – P. 458.

⁴⁰ Ibid.– P. 293.

(исследователь. – В.Ж.) отказывается от критики, от стремления изменить суждение, от всякой внешней нормативности, от «этноцентризма» по отношению к практикам, которые он наблюдает»⁴¹. Вторая разновидность динамики стратегического анализа получила наименование мобилизационной. Она побуждает социолога к «использованию своей экстерности и нахождению минимальной дистанции, без которой никакой серьезный анализ невозможен»⁴².

Получается так, что исследователь превращается в процессе своей работы, пользуясь метафорой Э. Фридберга, в «губку», которая впитывает материал, получаемый социологом во время работы. И он «не имеет ни мнения, ни идеи...»⁴³ Таким образом, социолог должен изначально согласиться с «тотальным равенством *a priori* всех свидетельств, отчетов, документов и других используемых источников»⁴⁴. Во время анализа он должен «сохранить равную дистанцию в интерпретации фактов, которые он устанавливает»⁴⁵. По окончании анализа системы, он может восстановить свою собственную позицию.

В рамках стратегического анализа социолог не судит, не оценивает, не ищет определенную причину дисфункций, которые, к слову сказать, и не понимаются им как таковые. Изначально стратегический анализ не имеет «идеи» о том, каким должно быть хорошее функционирование организации, для которого «нормальное» не существует. Кроме того, социологический анализ не претендует на то, чтобы выявлять неизвестные или секретные факты. То, что он расскажет, и то, что он покажет, чаще всего, известно всем.

В чем тогда заключается преимущество такого анализа? *Стратегический анализ связан с выявлением отношений между фактами.* Это – связь между событиями, ситуациями, логиками, которые каждым идентифицируется отдельно. Вклад социолога в рамках стратегического анализа приобретает особое значение в связи с тем, что его выводы обладают потенциальной валидностью, ибо становятся основанием для обменов, дебатов, конфронтаций, которые могут оказывать влияние на социальное действие, а потому этот вклад приобретает «прагматическую ценность»⁴⁶. Эта ценность заключается вовсе не во всеобщем одобрении, а в том, что он провоцирует «обсуждение» произведенного анализа. Проще говоря, социолог стремится получить восприятие анализа акторами изучаемой организации и выявить их реакцию на него

⁴¹ Ibid. – P. 295.

⁴² Ibid. – P. 293.

⁴³ Ibid. – P. 299.

⁴⁴ Ibid. – P. 296-297.

⁴⁵ Ibid. – P. 297.

⁴⁶ Ibid. – P. 22.

Для того, чтобы быть воспринятыми, предложения исследователя не должны быть ни оценивающими, ни обвиняющими. Не могут они быть и своеобразным клеймом. Реакция, вызванная этой операцией, является «индикатором реальных проблем и глубинных ставок, которые структурируют взаимодействие в изучаемой системе»⁴⁷.

Полученное исследователем знание является частичным, оно не выражает окончательную «истину» системы. Оно неизбежно порождает ощущение «правдоподобности»⁴⁸. И вмешательство социолога в данном случае может характеризоваться следующим образом: «Аналитик более не должен предсказывать, что произойдет, не должен судить с высоты своей «науки» о фактах, которые его анализ делает очевидными, еще меньше он связан с выработкой хорошей модели функционирования, которая, благодаря своему научному характеру, в некотором смысле навязывается им самим»⁴⁹. По отношению к субъектам наблюдения исследователь как с точки зрения теории, так и с точки зрения методологии занимает экстернорную позицию. Практика социолога вписывается в новую логику, которая, согласно Э. Фридбергу, характерна для «процедурной науки»⁵⁰. Научность не зависит больше от воспроизводимости опыта, она зависит от уважения процедуры опроса.

Согласно принципам стратегического анализа, социолог не является человеком, с которым связаны изменения, хотя в ходе изменения он может играть «роль эксперта или помощника в принятии решения»⁵¹, но в этом случае он оказывается за пределами привычной роли социолога. Если изменение предполагает обучение «новым формам коллективного действия», если это предполагает открытие «новых способностей», если оно может рассматриваться как вектор процветания, как коллективное вхождение в проект, оно сопровождается также периодами кризиса и всегда является формой «насилия» над практиками, укорененными в организации. Другими словами, социологический анализ может также основываться на организационном кризисе, который открывает путь для изменения. Такая вероятность укрепляет идею, что социолог в организации не имеет места вне анализа системы действия. При этом он не должен быть ни посредником, ни вдохновителем этого социального действия. В его деятельности первичным является знание, а не действие⁵².

За этой совершенно ясной постановкой вопроса нет-нет да возникают противоречия. Взять, скажем, формулу Э. Фридберга: «Производство знания и его

⁴⁷ Ibid. – P. 313.

⁴⁸ Ibid. – P. 316.

⁴⁹ Ibid. – P. 22.

⁵⁰ Ibid. – P. 296, 311.

⁵¹ Ibid. – P. 381.

⁵² Cf. Herrerros G. Op. cit. – P. 46-47.

осуществление в действии тесно связаны между собой»⁵³. Это порождает, как отмечает Ж. Эррерос, критическое размышление по поводу этой формы социологического вмешательства. Оно затрагивает как технические, политические (какова конечная цель вмешательства?), так и эпистемологические аспекты.

По мнению акционистов, как мы видели, социолог должен облегчить возникновение социальных движений. Для сторонников стратегического подхода конечная цель вмешательства менее ясна.

Сторонник стратегического анализа руководствуется тремя основными моделями: *технической рациональности, человеческих ресурсов* и «дисфункционалистского» вмешательства. Первая модель основана на признании производственного оптимума, которого можно достигнуть посредством использования всего того, что связано с развитием науки и техники; вторая – основана на рациональном и обоснованном использовании человеческих ресурсов; наконец, «дисфункционалистский стиль» соответствует подходу социальных наук, который, по мысли некоторых психосоциологов (Ж. Лапассад и М. Паж, например) посвящен «изобличению» отчуждения.

Сторонники первой модели стремятся оптимизировать экономические результаты, опираясь на возможности науки и техники. В рамках второй модели ее сторонники руководствуются схожей перспективой, но ставку делают на человека, на всемерное использование его возможностей. Сторонники третьей модели характеризуются более критическим видением, стремясь «высвободить» энергию организаций.

Однако несколько вопросов остается. Каковы намерение и конечная цель социолога при вмешательстве на основе стратегического анализа? Стремится ли он удовлетворить запросы заказчика? Или он добивается прогресса знания? А может быть, он стремится утвердить новую концепцию социальных отношений? На эти вопросы ни М. Крозье, ни Э. Фридберг не отвечают. Они эти вопросы и не ставят.

Встает вопрос: а может быть, у сторонников стратегического анализа и нет никакой цели? Цель, думается, существует, но в скрытой форме. Испытывая недоверие к анализам общего порядка и основываясь на социальных законах, привязанных, скорее, к «прагматической ценности» произведенных знаний о системах конкретных действий, требования и цели сторонников стратегического анализа не связаны с «историчностью», что характерно для А. Турена, не связаны они напрямую и с политикой, как это присуще институционалистам (об этом речь впереди). Не имея сформулированной *a priori* концепции того, что является «хорошей» организацией, которая всегда, по мнению

⁵³ Friedberg E. Op. cit. – P. 384.

приверженцев стратегического анализа, зависит от условий становления организации и позиций, разделяемых акторами, создающими эту организацию, сторонники данного направления социологии не выдвигают особой модели социальной и/или экономической эффективности. Их намерения более скромны и могут быть определены как стремление «создать условия, необходимые для преобразования игры в изучаемой организации». И это при том, что речь не идет ни о трансформации, ни о ее содержании, ни о процессе, который должен быть результатом указанной трансформации. «Социолог не может выходить за пределы того», что называется созданием условий для этого изменения на основе новых знаний о системе. Конечная цель, которая соответствует «неангажированному» обязательству в пользу изменения, с точки зрения сторонников стратегического анализа, может быть определена как некое проявление консерватизма. Знания о системах, которыми обладают сторонники стратегического анализа, похоже, обеспечивают «смазку» функционирующей системы⁵⁴.

С точки зрения науки, стратегический анализ является достаточно строгим. При этом результаты этого анализа вписываются в логику трансформации изучаемых систем. Правда, уже упомянутые нами идеи «нейтралитета» и «равной удаленности» по отношению ко всем акторам вступают в противоречие с логикой стратегического размышления. Как мы уже отмечали, в любой организации властные отношения являются асимметричными, а игры вокруг ее ресурсов отражают соотношение сил, конечно же, нестабильное, изменчивое, иногда неожиданное, но всегда неравновесное. Возникает вопрос: как в таком случае социолог, вмешивающийся в деятельность организации, может оставаться нейтральным по отношению к ней и к акторам социального действия? Вписываясь в систему, которую он изучает через «интерсубъективность» отношения исследователь/актор, социолог не может находиться вне игр, которые он анализирует. Он неизбежно становится «социальным актором» (пусть даже временно) игры, которую он изучает.

Не получает ответа у сторонников стратегического анализа и вопрос, связанный с вмешательством социолога в деятельность организации на основе контракта, определяющем условия оплаты его труда и цели исследования.

В то время как А. Турен и его сторонники теоретически обосновывают положение о том, что социолог должен с момента своего вмешательства быть независимым, М. Крозье и Э. Фридберг не определяют свою позицию в данном вопросе.

Между тем, это в условиях рыночного общества далеко не простым вопросом являются отношения исследователя и заказчика. Сохраняет ли в условиях контракта

⁵⁴ Cf. Herreros G. Op. cit. – P. 50.

социолог свою независимость? Не возникает ли противоречие между желанием познания и прагматической перспективой исследования? Не происходит ли в рамках контрактного стратегического анализа разделения между знанием и действием? Вряд ли можно однозначно ответить на эти вопросы.

В работе «Власть и Правило» Э. Фридберг связывает научность продукции социологии вмешательства на основе стратегического анализа с действием, которое она способна производить. В этом, по его убеждению, получает свое выражение «прагматическая ценность анализа», его используемое измерение⁵⁵. Э. Фридберг, как уже отмечалось, вводит понятие «процедурная наука»⁵⁶. Согласно этому понятию, на передний план выходит уважение процедуры исследования, которая дополняет опору исследователя на правила логики и аргументации, как основания научности. Э. Фридберг в то же время отмечает, что сама по себе процедура «не освобождает от арбитража аналитика... субъективность исследователя не устранима»⁵⁷.

Институционный анализ

Еще одним направлением социологии вмешательства является институционный анализ, объединяющий несколько школ. Этот вид научного анализа нацелен на понимание института как своего рода невидимого незнания, которое «направляет ложные послания, ясные по сути своей идеологии, и подлинные послания в кодах, определяемых типом организации»⁵⁸.

Как известно, именно институт определяет сеть социальной связи, обустроивая формы социальных отношений. Институт является универсальным, всеобщим, абстрактным измерением, и в то же время он имеет ясно выраженные материальные формы: семья, завод, школа, тюрьма и т.д.

Кроме того, институт, что называется, «пересекается» с организациями, что получает выражение в том, что некоторые заводы являются одновременно и местом производства, и школой, и тюрьмой, и, наоборот, «в школе обучают интериоризации мира завода»⁵⁹.

Социолог, опирающийся на институционный анализ, на основе учета этих двух уровней стремится обнаружить то, что скрыто от взора исследователя. Согласно Ж. Эрреросу, отсюда вырисовывается интерес сторонников институционного анализа к психоанализу, позволяющим охватывать то, что мы называем бессознательным и что непосредственно влияет на социальные отношения. Как справедливо отмечает Р. Луро,

⁵⁵ Friedberg E. Le Pouvoir et la Regle. – P. 309, 382

⁵⁶ Ibid. – P. 311

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Lourau R. L'Analyse institutionnelle. – P., 1970. – P. 143

«не существует разделения между клиникой индивидуальной и клиникой социальной, между областью индивида и областью общества как объектов науки»⁶⁰.

Побуждаемый «неистребимым желанием познания»⁶¹ социолог институционального анализа стремится преобразовать подчиненные группы, будь-то в организациях или в глобальной социальной жизни, в группы-субъекты. Способность отыскать логику сил, воздействующих на личность каждого, с точки зрения институционального анализа, открывает перспективу «движения вперед», перспективу изменения в направлении «развития социальной определенности»⁶². Эта формула выражает намерение сторонников институционального анализа; они стремятся способствовать социальному изменению и используют «заинтересованную социологию».

«Заинтересованная социология»

Социологи институционального анализа считают, что их вмешательство нацелено на то, чтобы освободить скрытые силы, анестезированные институтом. Они опираются на «заинтересованную социологию», а потому их намерения являются социотерапевтическими, которые не являются полностью свободными от политических аспектов.

В начале всякого институционального вмешательства находится ясный выраженный заказ клиента. Если работа социолога проводится по его инициативе, мы встречаемся с «разновидностью практики, которая опасно отделяется от социологии в направлении политической практики»⁶³.

Институциональный анализ как проявление «заинтересованной социологии» опирается на «институированную критику»⁶⁴, не останавливаясь, в том числе и перед использованием разрушительной формы, которая способна прекратить нормальный ход функционирования организации. Социологи-институционалисты открыто берут за точку отсчета своей социологии «революционный проект»⁶⁵. Дело доходит до того, что Мандель, например, становится сторонником «герильи» при завоевании власти. Социологическая заинтересованность в таком случае должна участвовать в укреплении слабого полюса в социальных отношениях. В итоге получается так, что сильные коллективы к концу вмешательства должны «стать менее уверенными в себе», тогда как слабые – должны стать «более едиными» и получить оружие для действия⁶⁶.

⁵⁹ Ibid. – P. 13

⁶⁰ Ibid. – P. 169

⁶¹ Ibid. – P. 20

⁶² Mendel G. et al. L'intervention institutionnelle. – P., 1980. – P. 241

⁶³ Hess R. La sociologie d'intervention. – P., 1981. – P. 181

⁶⁴ Lourau R. Le Clef de champs. – P., 1997. – P. 17

⁶⁵ Lapassade G., Lourau R. Clefs pour la sociologie. – P., 1971. – P. 190

⁶⁶ Mendel et al. Op. cit. - P. 276

В центре институционального анализа находится природа отношений, а также индивидуальные и коллективные последствия, которые эта природа внедряет не только между акторами анализируемой ситуации, но и между ними и исследователями. В рамках институционального анализа аналитики не отказываются субъективного начала. При этом в качестве своеобразной теоретической рамка своей заинтересованной субъективности используются психоаналитические концепции трансфера⁶⁷.

К концептуальным заимствованиям из психоанализа сторонники институционального анализа добавляют социотерапевтические намерения, которые связаны со стремлением «придать полное социальное измерение межличностным отношениям»⁶⁸. «Восстановить власть над действиями», заставить отступить «искажения» господства, позволить «прогрессирование» личности каждого – таковы, например, термины программы психоанализа Ж. Манделя. Он для этого стремится привести в движение «социопатологию», «социотерапию», признавая тем самым, что общество может быть больным и нужно стремиться его лечить. Для социоаналитиков при помощи вмешательства нужно «слушать освобожденное социальное слово»⁶⁹. Это, по их убеждению, позволит акторам лучше понять свои собственные желания, выяснить, в чем «незнание» института является «подлинным мотором социальной практики»⁷⁰ прежде, чем дать каждому средства, позволяющие это использовать. Выявление политического бессознательного, благодаря вмешательству, должно освободить энергию как индивидуальную, так и коллективную. Это измерение первенствует среди институционалистов, даже если их техника варьируется.

Институциональный анализ нередко определялся как «контрсоциология»⁷¹, как «другая» социология (находящаяся на пересечении социологии и психоанализа)⁷². Однако в рамках такого подхода выявилась теоретическая и эпистемологическая недостаточность институционального анализа. Еще в начале 1980-х гг. Лапассад это констатировал следующим образом «После мая 1968 г. теория в нашем течении прекратила свое развитие»⁷³. Позднее, он, может быть, и не желая того, признал отсутствие теоретического разнообразия данного течения, растворившегося в «микросоциологиях» (методологический интеракционизм, этнометодология, феноменология и т.д.). Еще один сторонник институционального анализа говорит то же самое, когда сравнивает институциональный анализ с другими разновидностями социологии вмешательства: «Не

⁶⁷ См.: Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. – М., 1996. – С. 531-540.

⁶⁸ Mendel et al. Op. cit. - P. 194.

⁶⁹ Lapassade G., Lourau R. Op cit. – P. 180

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ Ibid. – P. 190

⁷² Mandel G. La Révolte contre le père, une introduction a la psychanalyse. – P., 1968. – P. 405

нужно строить иллюзии о вкладе институционалистского течения на этом уровне (в исследовании организаций. – В.Ж.). Школа Крозье...больше продвинулась в изучении учреждений...и было бы объективной ошибкой для социоаналитиков стремиться соперничать в том, что касается техники, со школой социологии организаций по поводу одного и того же объекта»⁷⁴.

В отличие от акционистов или сторонников стратегического анализа, социологи институционального анализа стремились уйти от монизма социальной теории и от ее возможных замыкающих и ослепляющих последствий, но они ей противопоставляли смешанный и непримиримый дисциплинарный плюрализм, а также методологические и технические размышления, более озабоченные стремлением отличаться от «упорядоченной» социологии (чтобы лучше ее привести в «беспорядок»), чем эпистемологическими размышлениями⁷⁵.

Социологи институционального анализа афишируют «самоуправленческие», «революционные», «прогрессистские» убеждения, провозглашают новаторский антиакадемический, антипозитивистский подход, мобилизуют дестабилизирующие техники вмешательства (во всяком случае, непривычные для социолога), основанные на разоблачении, на осознании отчуждения. Итог, можно сказать, плачевен. По сути, институциональный анализ как форма социологи вмешательства почти исчез сегодня. Более того, сторонники институционального анализа пытались найти свой путь в осмыслении реалий вмешательства в обход социологии, но они не стали менее зависимы от нее⁷⁶.

* * *

Сказанное нами ставит вопрос о необходимости дальнейшего развития в нашей стране нового научного направления, которое, как мы уже отмечали, в западной науке получило наименование «местное развитие». Вместе с тем, потребуются осуществить и глубокие политические изменения: новый подход к развитию территорий поставит немало вопросов к управлению этими территориями. В частности, современный подход к местному развитию неизбежно потребует внедрения новой концепции территориального администрирования и менеджмента: строго вертикальная административная организация, судя по всему, остается в прошлом. Политика развития на местах отныне должна строиться на новом способе организации, который позволит местным властям и их партнерам осуществлять мобилизацию населения и ресурсов территорий на основе конкретных проектов. Политика развития, опираясь на всестороннюю социальную

⁷³ Lapassade, 1980. – P. 195

⁷⁴ Hess R. Centre et Périphérie, introduction à l'analyse institutionnelle. – P., 1978.– P. 67.

⁷⁵ Cf. Herrerros G. Op. cit. – P. 66.

⁷⁶ Herrerros G. Op. cit. – P. 67.

диагностику, предполагает идентификацию акторов и их конкретных действий по реализации этих проектов, а также выявление социальной и институциональной динамики на местах, связанной с мобилизацией указанных акторов и всего населения территории. Это означает, что современная политика развития территорий предполагает особую форму управления коллективным действием на местном уровне, утверждение новых отношений между местными властями и населением.